

СПРЯЖЕНИЕ

Авторы: Ю. П. Князев

СПРЯЖЕНИЕ (лат. conjugatio – соединение, сопряжение), глагольное словоизменение, противопоставляемое склонению – именному словоизменению, в основе которого лежит изменение по падежам. С. в широком смысле охватывает всю совокупность форм глагола в пределах одной глагольной лексемы. К С. в узком смысле относят лишь формы тех грамматических категорий глагола, которые используются для выражения его синтаксич. связей с др. словами в предложении, прежде всего с подлежащим. Эта функция таких форм лежит в основе самого термина «С.». На данном основании формы глагола, способные к самостоят. употреблению в роли сказуемого, называют спрягаемыми или финитными, а формы глагола, выполняющие др. синтаксич. функции (причастия, деепричастия, инфинитивы и др.), именуют неспрягаемыми или нефинитными, несмотря на сохранение ими той или иной части глагольных грамматич. категорий. Поэтому по отношению к изолирующим языкам, для которых характерно отсутствие средств выражения синтаксич. связей между словами, говорят и об отсутствии в них спряжения.

Чаще всего в С. отражаются лицо, число и род (класс именной) подлежащего. Так, в рус. яз. глаголы наст. и буд. времени изменяются по лицам и числам («пою», «спою», «буду петь» – 1-е лицо ед. ч., «поём», «споём», «будем петь» – 1-е лицо мн. ч. и т. д.), а глаголы прош. вр. – по родам и числам («пел» – муж. род ед. ч., «пела» – жен. род ед. ч., «пело» – ср. род ед. ч., «пели» – мн. ч.). Это различие связано с тем, что формы на -л по своему происхождению представляют собой краткие действительные причастия в составе аналитич. форм перфекта, тогда как употреблявшийся в сочетании с ними вспомогат. глагол «быть», изменявшийся по лицам и числам, был утрачен. Характерная типологич. особенность банту языков – наличие большого числа (до 20) именных классов, совмещающих более или менее мотивированную семантическую классификацию имён со значениями ед. и мн. числа. В этих языках одним из обязат. морфологич. компонентов финитной глагольной формы являются субъектные показатели, которые либо выражают значения 1-го или 2-го лица, либо соответствуют именному классу подлежащего; ср. в суахили: *ninasoma* '(я) читаю' – *unasoma* '(ты) читаешь' – *mtoto mmoja anasoma* 'мальчик читает' (букв. – мальчик один читает) – *watoto wawili wanasoma* 'два мальчика читают' (букв. – мальчики два читают). Разл. сочетания лично-числового и классно-числового С. представлены и в нахско-дагестанских языках.

В С. могут отображаться и референциальные свойства субъекта или объекта (см. также Референция) – их определённости либо, наоборот, неопределённости или обобщённости (см. Определённости-неопределённости категория). В прибалтийско-финских языках во всех временах и наклонениях, наряду с обычными личными формами, выделяются и особые имперсональные (неопределённо-личные) формы; ср. эст. (*lapsed*) *loevad* '(дети) читают' – (*seal*) *loetakse* '(там) читают' – (*seal*) *loeti* '(там) читали' (см. Лицо в языкознании). В венг. яз. (как и в большинстве др. уральских языков) перех. глагол спрягается по-разному в зависимости от определённости-неопределённости прямого дополнения: *látok egy házat* '(я) вижу какой-то дом' (безобъектное С.) – *látom a házat* '(я) вижу этот дом' (объектное С.).

Формы С. во многих языках используются в качестве осн. или дополнит. средства выражения разл.

грамматических значений. В финно-угорских языках, самодийских языках и тунгусо-маньчжурских языках общее отрицание выражается с помощью сочетаний спрягаемого отрицат. глагола с неизменяемой формой смыслового глагола, что называют отрицательным С.; ср. фин.: puhun '(я) говорю' – **en** puhu '(я) не говорю', puhut '(ты) говоришь' – **et** puhu '(ты) не говоришь', puhuu '(он/она) говорит' – **ei** puhu '(он/она) не говорит' и т. д. В португ. яз. у мн. глаголов формы наст. времени и прош. времени (имперфекта и перфекта) различаются только своими лично-числовыми показателями: como '(я) ем' – **comia** (имперфект) '(я) ел' – **comi** (перфект) '(я) съел' – **comes** '(ты) ешь' – **comias** (имперфект) '(ты) ел' – **comeste** (перфект) '(ты) съел' и т. д. (см. Время). Особенность латинского языка – использование лично-числовых окончаний для различения активного и пассивного залогов: sano (актив) '(я) лечу' – **sano**r (пассив) '(меня) лечат', **sana**s (актив) '(ты) лечишь' – **sana**ris (пассив) '(тебя) лечат' (см. также Пассив). Сходным образом выражается залог в др.-греч. и новогреческом языках (см. Греческий язык). Широко распространённая отличит. черта форм императива (повелит. наклонения) – несовпадение их лично-числовых показателей с соответствующими показателями при формах индикатива (изъявит. наклонения). Во многих языках существуют безличные глаголы [напр., чеш. **prší** 'идёт дождь' (букв. – дождит), **sněží** 'идёт снег' (букв. – снежит)], обладающие ограниченным набором форм С. (см. Личности-безличности категория).

В индоевропейских языках, семитских языках, тюркских языках, дравидийских языках и мн. др. финитный глагол согласуется только с подлежащим, независимо от переходности или непереходности глагола (см. Переходности-непереходности категория). Такое С. называют моноперсональным. Иначе реализуется моноперсональность С. в эргативных языках (см. Эргативный строй), где подлежащее неперех. конструкции грамматически уподобляется не подлежащему перех. конструкции (как в языках типа русского или английского), а прямому дополнению. Именно с этим участником согласуется финитный глагол в нахско-дагестанских языках, что выглядит как согласование неперех. глагола с подлежащим, а переходного – с прямым дополнением.

Вместе с тем широко распространено и полиперсональное С., при котором глагол одновременно согласуется, помимо подлежащего, и с др. зависимыми от него словами, чаще всего (но не только) с прямым дополнением. Так, в яз. рунди глагол может согласовываться одновременно с 4 членами предложения: подлежащим, прямым дополнением, косв. дополнением и обстоятельством места. Согласно данным А. Северской (Великобритания), полиперсональное С. преобладает в языках мира, причём оно распространено почти повсеместно. В одних языках показатели субъекта и объекта выражаются в глаголе достаточно чётко [ср. в суахили: **mtu anakisoma kitabu** (m и a – показатели класса 1, ki – класса 7) 'человек читает книгу' или вадыгейском языке: **сэ**-klo 'я иду' – **о**-klo 'ты идёшь' – **сэ-о**-хы 'меня ты ведёшь' – **о-сэ**-хы 'тебя я веду'], в др. языках строение таких показателей не столь очевидно (ср. в эрзянском языке: кунды-**тинь** 'я тебя поймал', кунды-**мик** 'ты меня поймал', кунды-**я** 'я его поймал', кунды-**мим** 'он меня поймал', кунды-**нзить** 'он тебя поймал' и т. д.).

Одна из черт, отличающая флективные языки от агглютинативных языков, – наличие нескольких типов С. – семантически и фонологически немотивированных вариантов выражения одних и тех же грамматич. значений. В романских языках типы С. традиционно различаются по тематич. гласному; напр., в исп. яз. это глаголы на -ar (cantar 'петь'), на -er (comer 'есть') и на -ir (dormir 'спать'). В германских языках основным является морфологич. деление глаголов на т. н. слабые – образующие формы прош. вр. с помощью дентального суффикса (ср. англ. to play 'играть' – played 'играл'), и сильные, использующие в этой функции чередования гласных корня – аблаут (ср. англ. to sing 'петь' – sang 'пел').

В рус. яз. различают 2 главных С. – первое (чита-ю – чита-ешь – чита-ют) и второе (леч-у – лет-ишь – лет-ят), а также глаголы т. н. архаического С. («есть» – е-м – е-шь – ед-ят и «дать» – да-м – да-шь – дад-ут) и разноспрягаемые глаголы («хотеть» – хоч-ешь – хот-ите – хот-ят и «бежать» – беж-ишь – бег-ут). Кроме того, традиционно выделяют значит. число словоизменительных классов глагола, отражающих разл. варианты видоизменения основы, сопровождающие образование форм глагола. Чаще всего они заключаются либо в усечении конечного гласного основы (носи-ть – нос-ят, тяну-ть – тян-ут, смотре-ть – смотре-ют), либо в наращении основы при помощи согласного (жи-ть – жи-в-ут, оде-ть – оде-н-ут). При объединении этих двух классификаций число С. возрастает: в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка (1977; 6-е изд., 2009) различаются 16 его типов.

Литература

Лит.: Маслов Ю. С. Некоторые спорные вопросы морфологической структуры славянских глагольных форм // Советское славяноведение. 1968. № 4; Яхонтов С. Е. Грамматические категории аморфного языка // Типология грамматических категорий. М., 1975; Володин А. П. Персональность в агглютинативных языках Евразии // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб., 1991; Мельчук И. А. Курс общей морфологии. М.; Вена, 1998. Т. 2. Ч. 2: Морфологические значения; Nikolaeva I. Object agreement, grammatical relations, and information structure // Studies in Language. 1999. Vol. 23; Plungian V. Agglutination and flexion // Language typology and language universals. В.; N. Y., 2001. Vol. 1; Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003; Siewierska A. Person. Camb., 2004; idem. Verbal person marking // The world atlas of language structures. N. Y., 2005; Комте Р. О классификации славянского глагола в первой половине XX в.: П. Буайе, С. Карцевский и А. Мейе // Вопросы языкознания. 2006. № 1; Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. 6-е изд. М., 2009.